

Помни В

— Слава, откуда в вас такое почтение к дуракам — даже Академию дураков учредили?

— Дело в том, что мир дураков бесконечен и его никогда не исчерпаешь, не уложишь ни в какие рамки. Без них модель человеческого жития не полна. И разве не странно, что существуют институты каких-нибудь там бизнес-леди, а концепции института дурака нет?

Без дурачества немалым гением — представьте-ка себе Эйнштейна не высывающим язык... К атрибутам нашего суперинтеллектуального времени обязательно нужно добавить звон шутовских бубенцов. Нужно, чтобы рядом с имиджем бизнесмена или политика возник и престижный имидж дурака: обществу необходимо равновесие, тогда все будет нормально. Потому что

«свободный театр». Это по большей части уличные театры, многие участники которых — просто анархисты: кочуют где хотят, делают что хотят и всегда провокационны по отношению к обществу. Один наш гость в Москве в милицию попал, хотя я и предупреждал его: «Слушай, Джанго, не раздваивайся догола и не выступай с социальной критикой, у нас это не принято!» И он честно пытался выполнить мою просьбу, но душа вралась! Он же провокатор по натуре и не может не оскорблять устои. Прикидывается юридическим и все-таки разоблачается догола, а потом: «Ой, извините, а я и не заметил...» При этом его вовсе не интересует секс, а важен разлом повседневности. Чтобы люди наконец поняли: мир бесконечен и в нем нужно разбираться очень кро-

— Я люблю атмосферу праздника, который стараюсь разделить с друзьями. В какой-то момент почувствовал, что пантомима мне такой возможности не дает, там между мной и зрителями как бы стекло. И выходит: я великолепен, мое мастерство безгранично, мои руки, как крылья, ну и тому подобное. А вы смотрите и восхищаетесь, какой великий человек перед вами. Такая система мне не приносит удовлетворения, мне нужно общение.

Часто после наших выступлений люди говорят: «Ничего особенного в том, что вы делаете, нет, но мы получили такое удовольствие...» Значит, мы добились своего, проткнулась ниточка между нами и залом. Чего мы хотим? Чтобы публика сказала себе: «Ну это же так просто. Мне остается только встать

всю ночь... Потом сделал себе тросточку, стал «показывать» Чаплина сам. Сейчас у меня дома собрано восемьдесят два чаплинских фильма, думаю, даже в Парижской видеотеке такого нет. В мою коллекцию вошли даже его маленькие рекламные фильмы, сделанные во время войны. Его фильм «Кармен» я искал лет пять и обнаружил в конце концов в какой-то маленькой деревенской видеотеке на юге Франции.

Но в коллекции — не только Чаплин: у меня сто тридцать фильмов с участием американских комиков Лаурела и Харди, сорок — с Луи де Фюнесом. Я старался собрать все, что по моему жанру существует, тратил все, что было в кармане во время зарубежных поездок, на касеты, книги. Все это мне было

такое же удовольствие, как пирожное есть.

И совсем не обязательно эти знания применять на деле, хотя что-то, конечно, отзывается. Миниатюры Асиясы, например, все на клоунской классике основаны: тут и игра со свистками, и пишки базарные, и два полярных персонажа — сильный и слабый, один из которых давит на другого. Чем не ситуация на все времена? В искусстве есть вещи вечные, обращенные к основному человеческому существованию — жизни, смерти, любви, грусти, одиночеству. Так что мы не открываем Америки, но из того, что видим, чувствуем, ловим в разговорах с людьми, возникает ощущение: ага, эта идея должна вот-вот выплеснуться. И ты ее просто первым

Умных у нас не жалуют. Не зря же сказано поэтом: «Умом Россию не понять...» Популярный клоун и мим Вячеслав ПОЛУНИН объясняет это тем, что многие наши проблемы разрешаются именно на уровне глупости. Так что не исключено, что именно

ДУРАКИ СПАСУТ МИР

дурак — тот, кто не думает о деньгах, когда все вокруг хапают. Тот, кто делает замечательный фильм, стоимость которого — сто миллионов, а будущая прибыль — двадцать. Словом, человек, занимающийся какими-то делами, не свойственными времени, берущий на себя заботу о глупостях, которые нужны людям, чтобы оставаться людьми.

Мне очень понравилась история с презентацией московского филиала Академии дураков, сам не ожидал такого эффекта. Люди демонстративно говорили: главное — оставаться человеком, понятно, что я должен биться, чего-то добиваться, вот в этой жизни жить и решать ее проблемы, но при этом я остаюсь свободным, я — личность, которую невозможно окончательно придавить прессом социальной ситуации.

Так вот, дурак держится за эти убеждения, как за знамя, вопреки стихиям, он как бы врач наших мозгов. Представьте себе человека, который вдруг берет и выпрыгивает в окно. Все удивляется: куда это он, ведь дверь есть? А он на бегу: «Да вон же автобус стоит, если я побегу через дверь — опоздаю!» Значит, в какой-то момент глупость необходима, чтобы совершить «умность».

— Поэтому вам и удаются ваши «дурачьи» затеи — «Караван мира» например? Шутка ли — артистов со всего мира загрузить в восемьдесят машин вместе с семьями, детьми, собаками и шапкой и всей компанией полгода колесить по Европе с представлениями. Как вы сумели найти единомышленников?

— Дурачкам путем добиваешься большего. Конечно, ничто хорошее легко не дается. Легко — если ты хочешь плохо работать, а если хочешь сделать настоящую вещь... На «Караван мира» ушло три года подготовительной работы. Сначала — отказ во всех инстанциях, потом — полгода на Министерство культуры, ЦК комсомола, ВЦСПС, бесконечное хождение по кабинетам, сотни всяких смет. Словом, молотилка. Но пусть ты двадцать дверей пройдешь, за двадцать первой — вдруг просвет и ты куда-то прорываешься. Дело только в уверенности, без нее ничего бы не смог. Если ты веришь во что-то, если у тебя есть настоящая мечта, она все равно сбудется, а когда — это уж зависит от твоей настойчивости, настырности, самоуверенности и не знаю чего еще.

Нас и со спектаклями за рубеж неохотно выпускали. Сначала — соцстраны. Потом — в «кап», но в приличной компании. И все строго по регламенту: вот вам три минуты, покажите то, скажите это, потом отойдите вот сюда и чтоб вас больше никто не видел! Но мы старались в любой ситуации оставаться собой. Пусть нам давали три сантиметра пола и две минуты работы, мы все равно выражали себя и никогда не ввали. А когда «ворота» начали приоткрываться, мы просто ломали и «Караваном мира» пробил огромную брешь.

Мы же привезли сюда с Запада одновременно сорок актерских групп, а с ними — свободную культуру, то, что там называется

потливо, все подвергая сомнению, а не следуя раз и навсегда внутренним постулатам.

— Но в ваши «Лицедеи» когда-то родились как провокация. В зстойные семидесятые, когда идеи потонули в лозунгах, девальвировались, вдруг появился «молчаливый» театр, в котором жестами и мимикой говорилось куда больше дозволенного. Решили обхитрить власти?

— Когда-то на Руси издали царский указ, согласно которому всех скоморохов предписывалось вешать. Мы начинали «Лицедеи» примерно в такой же ситуации. Нельзя было сказать ничего «такого», особенно в Ленинграде, без риска потерять работу. И в этой социальной ситуации пантомима стала лидером нового театра. Но нам в пантомиме важнее социальности кажутся ее поэтичность, нежность, искренность. Для того типа театра, которым мы занимаемся, слова ближе, чем «лицедеи», просто нет в русском языке. Станиславский в свое время его практически зачеркнул. Он говорил, что лицедейство — страшная болезнь театра, потому что театр — это кафедра, с которой мы должны демонстрировать свои идеи публике. В нашем славянском театре это так и есть, но Станиславский в пылу увлечения все несколько преувеличил. И этим надолго зачеркнул для других иные театральные пути, поскольку его учение власти подняли на щит и превратили в канон.

В год двадцатилетия «Лицедеи» мы собрали «Конгресс дураков» — первый фестиваль театров клоунады. И на нем реализовали известную метафору Станиславского, что каждый театр через двадцать лет умирает. Мы устроили... собственные похороны в доказательство того, что театр бесконечен. Мы хотели показать, что кроме «театра идеи» существуют и театр-игра, театр-праздник. Но какие-то социальные вещи все равно говорим, и публика это слышит.

Мы защищаем главное. Раньше мы считались флагом свободы, потому что среди общей холодной и лживой атмосферы показывали свободную открытую личность, защищали стремление человека к мечте. А сейчас взглядом консерваторами, потому что защищаем все ту же личность, считаем необходимым охранить и сохранить человеческую индивидуальность, ее духовность, не связанную напрямую с ежеченностью. Раньше нашим флагом был номер «Нельзя» — протест против системы бюрократизма, всевозможных запретов. Сейчас — «Чурдаки»: о чудаках, которые живут на чердаке. Вроде бы никому они не нужны, забыты, заброшены, а все равно работают, потому что это их удовольствие, их жизнь. И оказывается, никакая внешняя ситуация, какая бы страшная она ни была, не в состоянии убить человеческое в человеке, пока он любит и верит.

— В последнее время сцене вы предпочитаете просторы улиц и площадей. Вам наскучили пантомима и клоунада в их театральном варианте?

и сделать!» И пусть человек в зале в это поверит, пусть встанет, победит, прыгнет или хоть улыбнется, пусть ему станет хорошо и радостно. То есть искусство как бы растворяет все границы между нами. Людям дается возможность преодолеть вечную боязнь, обрести веру в себя, а уж по твоей вере тебе и воздается.

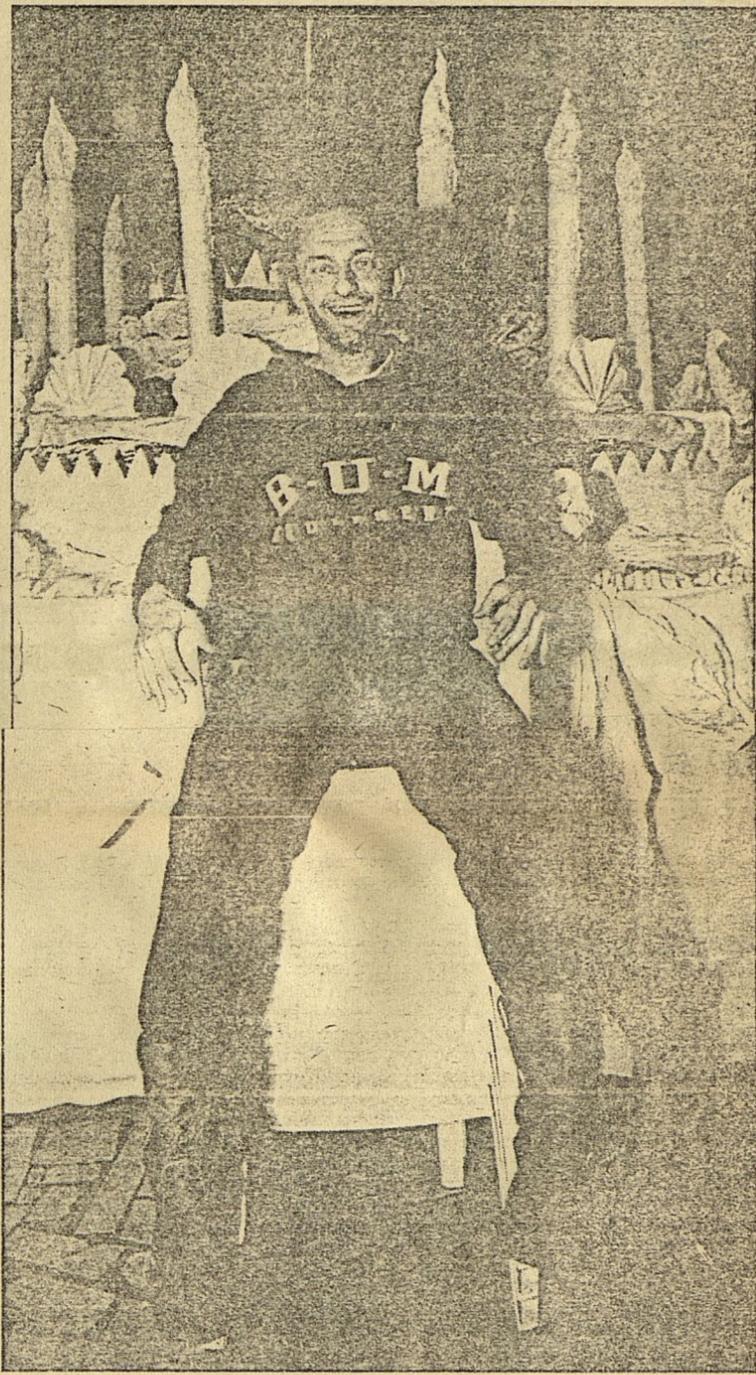
Идеальное средство для достижения этой цели — карнавал. Туда ты не имеешь права прийти зрителем, ты должен быть участником. Актер лишь дает толчок, выступает как провокатор, который заставляет человека попасть в какой-то иной мир и жить по его законам. И мы решили восстановить российское карнавальное движение. Начали с Петербурга. В нашем карнавальном оргкомитете ходит фраза: «Бессмыслен и беспощаден российский карнавал!» Мы понимаем, куда эта стихия может вылиться. Но у нас есть опыт обнадеживающий: три года назад Новый год мы праздновали ночью на Невском, собрались сто тысяч человек. Так что делаем все не с бухты-баракты — концепция этого гигантского праздника должна расти снизу. Начали с месячной лаборатории, в которой занимались человек пятьсот. Они общались с лидерами мировых карнавалов, смотрели фильмы, спектакли, участвовали в дискуссиях. Завершились занятия тремя ночами — дьявольской, ангельской и Бахуса. Но — за закрытыми дверями, без публики. Наши выпускники сначала все опробовали на себе, а дальше создадут свои маленькие группы, те сольются в ассоциацию профессионалов, которые и сделают через год настоящий карнавал — на зимнем стадионе на десять тысяч человек. Сейчас разрабатываем проект «Бабы — дуры»: хотим утвердить имидж тех независимых и свободных женщин, которые всегда поступают так, как хочется, вопреки устоявшимся стереотипам. Пока разыскиваем претенденток на это звание, а в начале марта соберем их в Ленинграде.

— Мы привлекли, что вочинна клоунов — цирковой манеж. Вы поселили их на театральном сцене, теперь вот выводите на улицы и стадионы. Как вы относитесь вообще к фигуре клоуна?

— Клоун для меня — точка отсчета, символ театра как идеи. Этот образ дает возможность в одном существе сплести все недостатки и пороки и в то же время — вершины человеческого духа. Клоун — как Дон Кихот, который одновременно самоотверженный мечтатель, поэт. И глупец, простофиля, ничто человеческое ему не чуждо. Он так же чист, искренен, любит людей, и за это ему, как ребенку, прощают его несовершенство.

— Слышала, вы собираете фильмы Чаплина и скопили уже приличную коллекцию. Эти ленты для вас — своего рода учебное пособие?

— Когда я впервые увидел Чаплина на экране, мне было пять лет. И я просто очумел, настолько это оказалось близко. Помню, в ту новогоднюю ночь показывали «Мальшу», но было поздно и мама выключила телевизор. Я проплакал

нужно, чтобы понять, что в профессии было до меня, кто и что делал. Когда к нам приезжал Марсель Марсо, я пошел в осветители, колесил за ним по всей России — просто чтобы каждый день его видеть. И он во время разминок что-то рассказывал, смотрел мои работы. Все, что можно было вытащить из встреченных мною людей, причастных к пантомиме, клоунаде, я вытащил.

Ну и из библиотек, конечно, не вылезал. Сам я родился в маленьком городке Новосиль Орловской области, мама и папа — служащие, с искусством никогда не были связаны. И я сначала пошел на завод работать, а потом попал в Ленинград и просто влюбился в него, понял, что только в этом городе могу жить. Остался там, поступил в экономический институт, но где-то на третьем курсе плюнул и пошел в Институт культуры. Правда, там тоже на последнем курсе перестал быть студентом — перевели в педагоги, так что одно время и учился, и преподавал. Еще были какие-то эстрадные курсы, училище. Но вообще я энциклопедист-самоучка. Мне просто интересно все знать, это

считываешь и выдаешь...

— Почему вы взяли себе странное имя — Асиясы? И много ли сходства между вами и этим символическим существом?

— Откуда взялось имя, никто не знает. Просто какая-то фраза из номера, которую тут же подхватили дети и стали ко мне так обращаться. Что касается сходства, то между мной и Асиясом его немного. В Асиясе, наверное, больше моих желаний, чем меня. А вообще клоун — символ времени, и у каждого времени он свой.

— И каков же «клоун-93»?

— Сложно сказать. Я никогда не знаю, что и как происходит в творчестве, — все выходит само. Просто чувствуешь, что сегодня зритель откликнется именно на это. Поэтому сегодняшний клоун может оказаться жутко неприятным, сварливым, агрессивным. Но все это — лишь внешний шит, чтобы заслонить тонкое, теплое, нежное существо внутри.

Беседу вела Татьяна ИСКАНЦЕВА. Фото Андрея БАЖЕНОВА.

11.02.93